

Фрагментация мирового пространства на основе интересов в международной торговле

Епифанова Наталья Сергеевна

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, e-mail: nucifraga@mail.ru

Цитирование: Епифанова Н.С. (2025). Фрагментация мирового пространства на основе интересов в международной торговле. *Terra Economicus* **23**(4), 119–134. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-4-119-134

Статья посвящена исследованию интеграционных процессов в современном мировом экономическом пространстве. Процессы региональной экономической интеграции в XXI в. вышли на принципиально иной уровень: происходит образование мегарегиональных торговых блоков, каждый из которых имеет под собой не только экономическую основу, но и военно-политическую. В исследовании предпринимается попытка хронологической реконструкции формирования процессов региональной экономической интеграции в рамках мегарегиональных торговых соглашений в XXI в. и выявляется специфика этих процессов. Определяются их основные тенденции, причины образования и последующего переформатирования тех или иных торговых блоков. Показано, что образование мегарегионального соглашения не обязательно имеет экономическую основу. Выявлена специфика современных интеграционных процессов, в рамках которых начинает приобретать значение цивилизационный вектор развития разных государств, которые даже в торговых целях объединяются исходя из общих ценностей, общей истории и общих интересов. Это может привести к формированию каркаса для нового многополярного мира. Показана историческая ограниченность традиционных подходов к исследованию региональной экономической интеграции, сформированных в рамках неоклассической экономической теории. Полученные в рамках моделирования на основе панельных данных результаты подтверждают тот факт, что экономические основания (либерализация внешней торговли, устранение барьеров в международном движении факторов производства и т.д.) для региональной интеграции перестали быть достаточными сами по себе. В XXI в. региональная интеграция приобретает существенно более сложные формы, которые могут стать вызовом как для российской цивилизации, так и для человечества в целом.

Ключевые слова: мегарегиональные торговые соглашения; региональная экономическая интеграция; цивилизационное развитие; международная торговля

Fragmentation of global economy driven by interests in international trade

Natalia S. Epifanova

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, e-mail: nucifraga@mail.ru

Citation: Epifanova N.S. (2025). Fragmentation of global economy driven by interests in international trade. *Terra Economicus* 23(4), 119–134 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-4-119-134

The article deals with trade agreements in the context of modern economic integration and fragmentation. In the 21st century, regional economic integration has reached a fundamentally new level: mega-regional trade blocs are emerging, driven by economic, military and political reasons. The study attempts to chronologically reconstruct the processes of regional economic integration within the framework of mega-regional trade agreements in the 21st century. The article identifies key trends, as well as the reasons for the formation and subsequent reformatting of various trade blocs. It demonstrates that the formation of a mega-regional agreement does not necessarily have an economic basis. The author also identifies the specific features of contemporary integration processes, in which the civilizational vector of development of different states is beginning to gain importance. Even for trade purposes, states are united based on shared values, a common history, and common interests. Thus, a framework for a new multipolar world could emerge. The limitations of neoclassical economics when studying regional economic integration are demonstrated. The results obtained through modeling based on panel data confirm that economic reasons (liberalization of foreign trade, the removal of barriers to the international movement of production factors, etc.) are no longer a sufficient factor for regional integration on their own. In the 21st century, regional integration is taking on significantly more complex forms, which could pose a challenge both for Russian civilization and for humanity as a whole.

Keywords: mega-regional trade agreements; regional economic integration; civilizational development; international trade

JEL codes: F02, F13

Введение

Глобальная торговая система, основанная на принципах Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и Всемирной торговой организации (ВТО), фактически перестала существовать в декабре 2019 г., когда США заблокировали назначение судей в Апелляционном органе ВТО. Принято считать, что ВТО создавалась с целью либерализации международной торговли и улучшения доступа на рынки для стран – участниц ВТО, однако постепенно ВТО превратилась в инструмент продвижения политических интересов США в сфере международной торговли на глобальной арене после окончания холодной войны в рамках однополярной модели мира.

По мере увеличения числа участниц ВТО во второй половине XX в. с 23 (1946 г.) до 135 (2000 г.) и постепенной либерализации международной торговли развивалась параллельная тенденция – образование региональных соглашений о преференциальной торговле. По сведениям базы данных региональных торговых соглашений ВТО, к началу XXI в. все страны – члены ВТО являлись участницами хотя бы одного такого соглашения. И если в 2000 г. количество действующих таких соглашений составляло 10, то к 2025 г. оно выросло до 375¹. Один из базовых принципов ВТО – режим наибольшего благоприятствования (РНБ), закрепленный в Генеральном соглашении по тарифам и торговле, призван обеспечить недискриминационную торговлю между членами ВТО. Региональные соглашения о преференциальной торговле отходят от принципа РНБ, предлагая странам-участницам преференциальный (более

¹ Regional Trade Agreements Database. WTO, 2025. <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed on July 18, 2025)

благоприятный, чем РНБ) режим, часто за счет устранения тарифов и других торговых барьеров, тем самым дискриминируя всех остальных (не являющихся участниками) членов ВТО. В ВТО были введены нормативные положения, которые освобождали от необходимости соблюдать принцип РНБ при образовании зон свободной торговли и таможенных союзов (Gonciarz, Verbeet, 2025). По мере того как росла динамика соглашений о региональной экономической интеграции, многосторонний торговый режим постепенно трансформировался в сторону таких соглашений. Эмпирические оценки также доказывают эту тенденцию (Acharya, Parajuli, 2025). Торговые потоки, сгруппированные по уровню экономического развития стран, показывают, что развивающиеся страны чаще используют преференциальные тарифы, в то время как развитые страны преимущественно действуют в рамках РНБ. Также эмпирически подтверждено, что по мере либерализации тарифов в рамках соглашений о региональной экономической интеграции возможности для дальнейшей либерализации преференциальных тарифов сокращаются, что также ограничивает возможности либерализации торговли в рамках ВТО.

К началу XXI в. стало понятно, что многие противоречия в сфере международной торговли являются отражением того, что происходит в сфере геополитики. Фактически описанная выше трансформация многосторонней торговой системы на основе правил и норм ВТО в сторону регионализации и применения преференциальных протекционистских мер внутри соглашений о региональной интеграции стала частью гораздо более широкого явления – столкновения норм между «старым» либеральным глобализмом и интересами государств, многие из которых осознали себя цивилизациями, т.е. вышли на другой уровень общественной динамики, осознав свой многолетний опыт государственности и самобытного экономического, политического и культурного развития. Подобные геополитические притязания и в то же время сформировавшиеся к началу XXI в. глобальные проблемы привели к укрупнению региональных торговых соглашений, так как появилась необходимость не только в торгово-экономической интеграции, но и интеграции с точки зрения культуры и идеологии.

С указанными изменениями в сфере международной торговли в геополитической области произошло смещение баланса интересов не в пользу США, а в пользу развивающихся стран, поэтому США решили фактически блокировать деятельность ВТО (Калачигин, 2021). Во многом этот процесс закономерен и соответствует тенденциям трансформации глобальной архитектуры и мироустройства. В XX в. основной концепт государственности, который был масштабирован по всему миру, – государство-нация – основывался на принципе рациональности и либеральной идеологии. Этот же принцип рациональности был положен и в основу международного порядка, который привел к значительной взаимозависимости национальных экономик под влиянием международных (наднациональных) институтов. Результатом стала американоцентричная мировая экономика, в которой США выступили лидером демократического мира, а также ключевой военной силой, используемой для «продвижения демократии» в разных уголках планеты. Одним из первых признаков начала крушения американоцентричной экономики стала третья Министерская конференция ВТО, состоявшаяся в 1999 г., в период с 30 ноября по 3 декабря. Ожидания от этой конференции у всего мирового сообщества были масштабны, однако они рухнули по причине острых противоречий между развитыми и развивающимися странами в сфере международной торговли. Эти же противоречия привели впоследствии к неудачам единственного раунда торговых переговоров в ВТО – Дохийского раунда, который в целом существенно затянулся и завершился системным кризисом ВТО вследствие противостояния развитых и развивающихся стран, особенно США и Китая.

Материалы и методы исследования

Во втором десятилетии XXI в. в значительной степени из-за того, что Китай не согласился быть «младшим» партнером США в Чимерике², а «закрытие» Чимерики привело к торговым войнам между США и Китаем, а также из-за угрозы для США технологического превосходства Китая в самом ближайшем будущем, США постарались использовать выстроенный ими глобальный механизм регулирования международной торговли для сдерживания развития Китая по собственному пути и выбору (Межуев, 2021; Пряхин, 2020). В начале третьего десятилетия XXI в. к указанным противоречиям добавились противостояние России

² Неологизм «Чимерика» был придуман историком Н. Фергюсоном и экономистом М. Шулариком для описания симбиотической экономики США и Китая, в которой Китай выполнял функцию фабрики с дешевой рабочей силой, а США заполняли свои рынки дешевыми товарами, в основном производимыми посредством аутсорсинга ТНК (Межуев, 2021). В 2014 г. американский экономист и нобелевский лауреат П. Кругман доказал, что из-за Чимерики сокращение занятости в обрабатывающей промышленности именно из-за «китайского фактора» составило 25%.

и так называемого коллективного Запада. Итогом всех перечисленных процессов стала трансформация мирового пространства из однополярного (американоцентричного) в многополярное.

В первом десятилетии XXI в. стало понятно, что США теряют контроль над Азиатско-Тихоокеанским регионом³, а также постепенно и контроль в ряде наднациональных институтов регулирования глобального экономического пространства, прежде всего в сфере международной торговли. Уже тогда стало понятно, что Дохийский раунд торговых переговоров обречен на серьезные трудности (Оболенский, 2018). В формировании этих трудностей особую роль играли американские группы частных интересов, например производители аграрно-промышленной продукции (Костяев, 2012). В связи с этим в 2006 г. появилась идея образования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), объединяющей 21 страну. На эти страны приходилась тогда практически половина мирового ВВП и примерно столько же от общего мирового объема торговли (табл. 1). Так как задача носила чрезмерно масштабный характер, то за основу было взято уже подписанное в 2005 г. соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТТСЭП) между четырьмя странами – Сингапур, Бруней, Чили, Новая Зеландия. Для возможности получения контроля над особой зоной геоэкономических интересов США – Юго-Восточной Азией, Латинской Америкой и южной частью Тихого океана, а впоследствии и с расширением контроля в отношении всего Азиатско-Тихоокеанского региона, США активно поддерживали развитие ТТСЭП, примкнув к нему в 2008 г. В 2009 г. США выступили с идеей трансформации ТТСЭП в Транстихоокеанское партнерство (ТПП), которое должно было охватить все страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), стремившиеся на тот момент к выработке более эффективных механизмов координации внешнеэкономических интересов стран – участниц АТЭС. Именно «под соусом» поиска этих механизмов и вовлекали США в ТПП участниц АТЭС (Арапова, 2017; Федоровский, 2012).

Для соблюдения баланса в международных отношениях США также инициировали в 2013 г. создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) – соглашения между США и ЕС (рис. 1). Это соглашение должно было изменить полностью систему глобального управления мировой экономикой, основываясь на ликвидации тарифных ограничений и некоторых нетарифных ограничений международной торговли (Мамедова, 2020). Главным отличием ТТИП от предыдущих интеграционных объединений было намерение повысить эффективность международной торговли за счет гармонизации ее правил, а не за счет улучшения доступа на рынки стран – участниц соглашения.

Рис. 1. Хронология развития мегарегиональных соглашений в XXI в. в контексте трансформации мирового пространства из однополярного в многополярное

Источник: составлено автором.

³ Хотя процесс потери контроля начался существенно раньше, фактически с периода мирового финансового кризиса 1997–1998 гг., после которого страны Азиатско-Тихоокеанского региона захватили антиамериканские настроения.

Как известно из теории международной торговли и региональной экономической интеграции, процесс образования интеграционных торговых объединений какой-либо группой стран не может не вызвать у других стран стремления образовывать интеграционные объединения по причине перераспределения выгод от международной торговли на каждом шаге торговой интеграции в пользу тех стран, которые на этом шаге сформировали такое объединение. Поэтому в ответ на попытки США сформировать сферы влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе под девизом обогащения американского среднего класса с помощью соглашений о региональной интеграции со странами этого региона также появились такие соглашения, как Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (ВЭТС или СЕТА), Африканская континентальная зона свободной торговли (АКФТА).

Таблица 1

Сравнительные параметры образования и функционирования основных мегарегиональных торговых соглашений, которые не вступили в силу

Параметры	ТПП	ТТИП	ВЭТС	ИТЭП
Год инициирования	2008	2013	2009	2022
Год подписания	2016	–	2016	–
Страны-участницы	12 стран АТР (включая США)	ЕС + США	ЕС + Канада	13 стран ИТР (включая США)
Суммарная доля стран-участниц в глобальном ВВП, %	36	40	19	63
Суммарная доля стран-участниц в глобальном населении, %	11	10	6	65
Суммарная доля стран-участниц в глобальной торговле, %	25	39	31	46

Источник: составлено автором.

Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) официально был запущен Китаем в 2015 г. и способствует формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора (Забелла, 2024). К этому проекту присоединилось беспрецедентное количество стран: к концу 2023 г. Китай подписал различные соглашения в рамках этого проекта с 152 странами. Предполагается, что к 2030 г. совместное строительство «Пояса и пути» выведет 7,6 млн чел. в разных странах из крайней бедности и 32 млн чел. из умеренной бедности, а также увеличит глобальные доходы на 0,7–2,9%⁴. В 2015 г. в послании Президента РФ Федеральному Собранию отмечался высокий уровень перспективности четырехстороннего сопряжения ЭПШП с ЕАЭС, ШОС и АСЕАН.

В проекте ЭПШП лидером является Китай. Безусловно, основа этого проекта – торгово-экономическая. Кроме того, традиционно «Шелковый путь» для Китая – одна из форм межцивилизационного взаимодействия как с российской, так и с западной цивилизацией (Лу, Чжан, 2018). Товары, которые Китай вывозил в западном направлении, позволяли странам, импортирующим их, глубже познавать китайскую культуру. Однако осложнившиеся в последнее время экономические и военно-политические отношения между Китаем и США сопровождаются тем, что США стремятся создать вокруг Китая «огненные кольца» (Edelman, 2022), зафиксировав при этом свое стремление на законодательном и стратегическом уровнях⁵. Такое решение было принято в связи с тем, что у США не было на момент принятия закона баллистических ракет наземного базирования в районе Индо-Тихоокеанского региона (Южно-Китайского моря). Закон «Огненные кольца» обязывает Министерство обороны США разработать стратегию размещения ракет большой дальности по всему

⁴ 我国已与152个国家、32个国际组织签署共建“一带一路”合作文件. 中国政府网, 2023. [Центральное народное правительство Китая, Госсовет КНР]. https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202308/content_6899977.htm (дата обращения: 18.07.2025)

⁵ H.R.4485 – Rings of Fire Act of 2023. S.2318 – 118th Congress (2023–2024). [H.R.4485 – Закон об огненных кольцах 2023 г. S. 2318 – 118-й Конгресс США (2023–2024)]. Конгресс США, 2023. <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2318/text> (дата обращения: 18.07.2025)

Тихому океану и помочь союзникам США сделать это самостоятельно. Прежде всего, это касается Японии и Филиппин, севера Австралии, островов Тихого океана и Аляски. Предполагается, что будет создано три таких кольца:

1) Индо-Тихоокеанское внутренне кольцо (в основном включает основные японские острова и группы островов Рюкю, а также Филиппины, Тайвань и часть Северной Индии; хотя Тайвань, Индия и Вьетнам не являются союзниками США, при определенных условиях их можно считать частями внутреннего кольца);

2) Индо-Тихоокеанское среднее кольцо (японские острова, находящиеся дальше от Рюкю, в частности Хонсю и Хоккайдо; Минданао и другие южные филиппинские острова);

3) Индо-Тихоокеанское внешнее кольцо (север Австралии, территории Гуам и Содружество Северных Марианских островов, остров Палау и Каролинские острова, Алеутские острова).

Таким образом, с военно-политической точки зрения ЭПШП становится для Китая проектом и геополитическим, позволяющим найти союзников в евразийском пространстве. Кроме того, ЭПШП способствует углублению евразийской интеграции, которая крайне невыгодна США.

Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (ВЭТС) было подписано в 2016 г. между Канадой и ЕС и предполагало практически полное устранение любых протекционистских мер во взаимной торговле, а также более глубокую интеграцию в регулировании инвестиционных потоков и потоков трудовых ресурсов. Существенным фактором для формирования соглашения стало социально-культурное сходство ЕС и Канады (Барышников, 2018).

Таблица 2

Сравнительные параметры образования и функционирования основных мегарегиональных торговых соглашений, которые вступили в силу

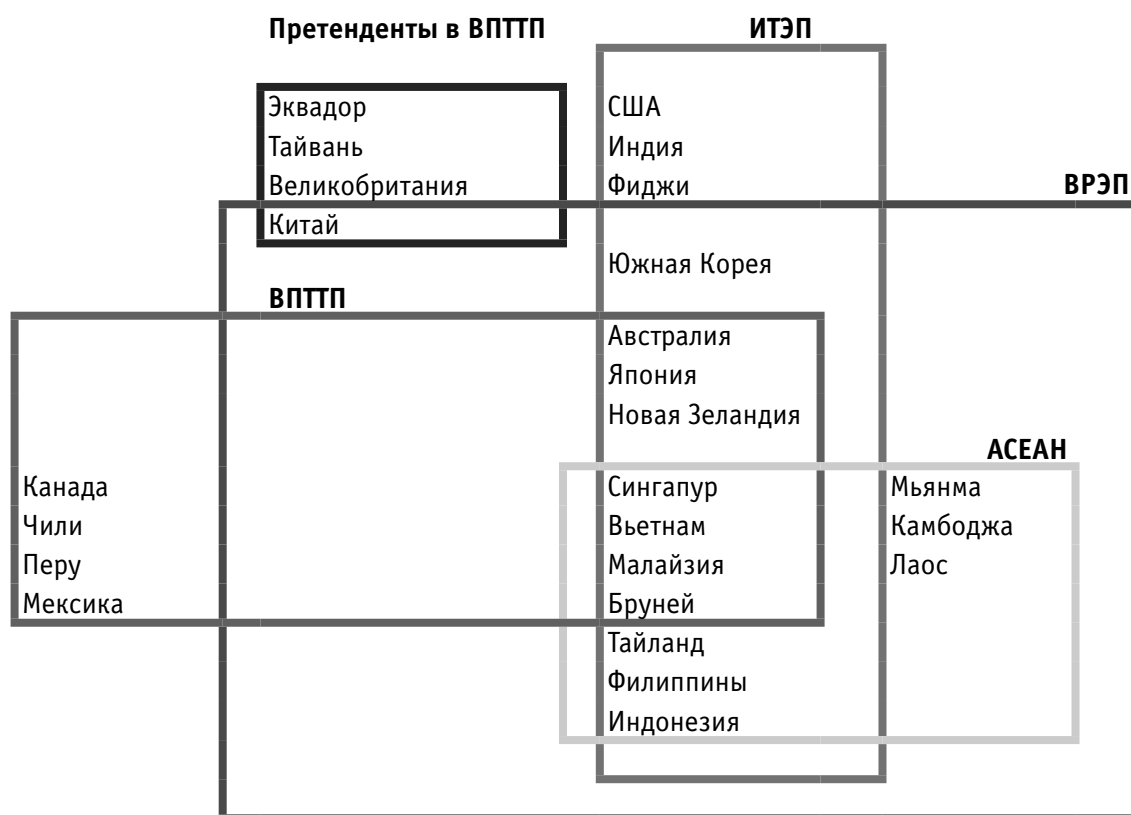
Параметры	ЭПШП	АКФТА	ВПТП	ВРЭП
Год инициирования	2013	2012	2017	2012
Год подписания		2018	2018	2020
Год вступления в силу		2019	2018 Великобритания (2022)	2022
Страны-участницы	152 страны (главные участники: Китай, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Азербайджан, Грузия)	54 африканские страны	11 стран Азиатско- Тихоокеанского региона + Великобритания	10 стран АСЕАН + Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония
Суммарная доля стран- участниц в глобальном ВВП, %		3	12 (с Великобританией 15)	31
Суммарная доля стран- участниц в глобальном населении, %		16	6 (с Великобританией 7)	29
Суммарная доля стран- участниц в глобальной торговле, %		2	15 (с Великобританией 17)	26

Источник: составлено автором.

Африканская континентальная зона свободной торговли (АКФТА) появилась формально в 2018 г., а с 2019 г. начала фактически действовать на основе идей торговой либерализации и единого африканского рынка (Костюнина, 2020). До формирования АКФТА страны Африканского континента образовали несколько разрозненных интеграционных группировок, перераспределение

выгод между которыми носило противоречивый характер, поэтому одной из политических целей в АКФТА стало объединение всех этих группировок в единую укрупненную мегарегиональную интеграционную структуру.

АКФТА объединяет практически все страны Африканского континента, который рассматривается большинством стран как один из потенциальных источников спроса на их продукцию, особенно в связи с прогнозируемым ростом населения (Африка – континент с самым высоким уровнем рождаемости, где, по прогнозам ООН, к 2050 г. будет проживать 2,5 млрд чел.). Экономическое развитие большинства стран Африканского континента не позволяет выходить на более высокий уровень экономической интеграции по причине отсутствия производственных и финансовых ресурсов, но так как развитые страны стремятся выстроить отношения с африканскими странами на неравных неокOLONиальных условиях, то подобное объединение стран Африки, на основе пока исключительно экономической интеграции, также имеет под собой военно-политическую основу и может служить одним из объединений, свидетельствующих в пользу того, что мир в целом движется в сторону формирования нескольких цивилизационных платформ, на основе которых лежат мегарегиональные торговые соглашения.

Примечание:

ВПТПП – Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство.

ВРЭП – Всестороннее региональное экономическое партнерство.

ИТЭП – Индо-Тихоокеанская экономическая программа.

Рис. 2. Состав основных мегарегиональных соглашений

Источник: составлено автором.

В 2018 г. из-за неустойчивой позиции США в ТТП соглашение о ТТП было трансформировано во Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТПП), которое заявляется странами-инициаторами как соглашение о свободной торговле, объединяющее Австралию, Бруней, Вьетнам, Канаду, Малайзию, Мексику, Новую Зеландию, Перу, Сингапур, Чили и Японию. На момент его создания это соглашение стало самым крупным интеграционным объединением

за всю историю мировой экономики. Данное соглашение также является для США инструментом противостояния Китаю в мировой экономике. Фактически с его помощью США стремятся добиться либерализации торговых потоков внутри этого соглашения с целью переориентации торговли стран-участниц и снижения экспортной роли Китая. Основная идея ВПТТП – это постепенное снижение тарифов в среднем с 30–40% до нуля за два года с начала действия соглашения. Также соглашение касается различных аспектов торговых стандартов разных категорий продукции, доступа на рынки, электронной коммерции, прав интеллектуальной собственности и т.д. Причем ряд положений проработаны на гораздо более высоком уровне, чем в ВТО.

Присоединение в 2024 г. Великобритании к ВПТТП связано, с высокой степенью вероятности, с формированием трехстороннего оборонного альянса с Америкой и Австралией (АУКУС). Экономических выгод это присоединение практически не дает, хотя декларативно, конечно, заявлялось, что производители из Великобритании, ориентированные на экспорт, получают доступ к динамично растущему тихоокеанскому рынку. Но особенность вступления Великобритании в ВПТТП заключается в том, что с девятью из 11 участников этого соглашения уже заключены и действуют двусторонние торговые соглашения, за исключением Малайзии и Брунея. При этом у Великобритании довольно ограниченный объем внешнеторговых потоков во взаимоотношениях с 11 участниками ВПТТП: так, накануне вступления в соглашение доля экспорта Великобритании в эти страны составляла 7,8% от общего объема экспорта страны, а доля импорта – 6%.

Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) является результатом трансформации Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая началась в 2001 г. после азиатского финансового кризиса конца 90-х гг. XX в. как попытка азиатских стран выработать совместный ответ на вызовы экономического развития, ставшие последствиями этого кризиса (рис. 2, табл. 2). После присоединения Китая, Японии и Республики Кореи к АСЕАН в 2001 г. объединение стало называться «АСЕАН + 3». В 2005 г., после присоединения Австралии, Индии и Новой Зеландии, оно было преобразовано в «АСЕАН + 6». А в 2011 г. странами-участницами было принято решение перейти к Всестороннему региональному экономическому партнерству. Этот переход ввиду сложных и продолжительных переговоров продлился до 2020 г., а само положение вступило в силу с 1 января 2022 г.

Основой ВРЭП является соглашение о свободной торговле, в котором акцент сделан на согласованные правила и процедуры международной торговли с учетом специфических ее направлений в настоящее время. К таким направлениям относятся правила происхождения товаров, цифровизация, изменение налогообложения, согласование правил таможенного прохождения товаров в результате изменения тарифов и таможенных правил, поддержка малого и среднего предпринимательства, доступ на рынки труда стран-участниц. Большое внимание в соглашении было уделено оптимизации процессов в ходе цепочек поставок, что позволит снизить издержки производителей стран-участниц. То есть целью соглашения было не только развитие торговли между странами-участницами, но и стимулирование производства в этих странах. Также есть мнение, что одной из задач соглашения было уклонение от торговли сельскохозяйственной продукцией с США, которые активно продолжают поддерживать своих производителей сельскохозяйственной продукции, проводя таким образом дискриминационную политику в отношении стран – торговых партнеров (Zreik, 2024).

В контексте противостояния США и Китая ВРЭП можно рассматривать как геэкономическую победу Китая, так как фактически оно представляет собой крупнейшее соглашение о свободной торговле, объединяющее вокруг Китая страны Юго-Восточной Азии. Особое значение в этом объединении имеют глобальные производственные цепочки⁶, превратившие регион Юго-Восточной Азии в крупнейшую мировую фабрику. Это обстоятельство позволяет предполагать, что с образованием соглашения произойдет переориентация торговли на торговлю внутри данного блока, что должно привести к потерям для третьих стран, прежде всего США, ЕС, Индии.

Однако у ВРЭП есть и серьезные риски. Во-первых, это членство Японии и Южной Кореи, между которыми часто вспыхивают межгосударственные противоречия, приводящие к торговым конфликтам. Во-вторых, членство двух беднейших стран мира – Камбоджи и Лаоса, наряду

⁶ Под глобальными цепочками стоимости будем понимать особую форму производства, которая в значительной степени зависит от международной торговли, поскольку производство конечного товара может потребовать, чтобы промежуточные ресурсы или промежуточные товары пересекали национальную границу несколько раз.

с гигантским Китаем, делает это соглашение крайне неоднородным. В итоге получается, что ВРЭП противостоит на мировой арене ВПТТП, превышая его существенно по масштабам, но уступая ему по глубине (ВРЭП недостаточно охватывает такие важные вопросы, как международное движение труда внутри соглашения, защита окружающей среды и интеллектуальной собственности). При этом от общей величины экспорта стран – участниц ВРЭП 50% приходится именно на них, а от общей величины импорта – 54%.

В 2022 г. по инициативе США в ответ на образование ВРЭП и растущее влияние Китая в мировой экономике появилось Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС), которое в русскоязычной литературе чаще называют Индо-Тихоокеанская экономическая программа (ИТЭП). Большинство стран, входящих в это соглашение, за исключением США и Индии, также входят в предыдущее мегарегиональное соглашение – ВРЭП. Основные направления, которые охватывает ИТЭП, – это цифровая торговля, создание устойчивых цепочек поставок, выполнение обязательств по экологически чистой энергии и внедрение правил справедливой торговли с эффективным налогообложением и устранением коррупции. Данное соглашение было создано по инициативе президента США Джо Байдена и с приходом к власти Дональда Трампа вряд ли может иметь в ближайшее время какие-либо перспективы. Администрация США при Джо Байдене исходила из того, что противостояние США и Китая требует от США наращивания геополитического влияния в Индо-Тихоокеанском регионе для обеспечения жизнеспособного регионального стратегического баланса и «всеобъемлющего сдерживания Китая» (Jiang, 2023: 7). Трамп также осознает важность геополитического влияния в Индо-Тихоокеанском регионе, но предпочитает этого влияния добиваться с помощью более профильных соглашений. Например, по его инициативе был запущен проект QUAD (*Quad group of nations*), представляющий собой развитие стратегического партнерства на основе общих ценностей по проблемам безопасности. Проект охватывает Австралию, Индию, США и Японию и может внести раскол, прежде всего, в ВРЭП, так как у Китая есть целый ряд территориальных споров со странами АСЕАН и QUAD.

Таким образом, мегарегиональные торговые соглашения, активно формирующиеся в начале XXI в., во многом зависят от военно-политической основы сотрудничества стран – участниц соглашений. Кроме того, тенденции формирования мегарегиональных соглашений прослеживаются в рамках объединений стран с общими ценностями и культурами, т.е. мир делится на несколько цивилизационных платформ, в основе формирования которых лежат пересечения в сфере торгово-экономических и геополитических интересов.

Из всех перечисленных выше мегарегиональных соглашений историю существования после начала реализации основных положений имеют такие соглашения, как ВПТТП и АКФТА. Поэтому именно для этих объединений стран определим факторы экономического развития, а также место внешней торговли в ряду этих факторов. Для этого используем методологию факторного анализа, представленную в исследовании факторов экономического развития на основе панельных данных. Выбор подобной методологии обусловлен возможностями оценки влияния выбранных факторов на экономическое развитие в условиях и на протяжении уже действующего мегарегионального соглашения. Подобная оценка традиционно осуществляется с помощью метода панельных данных на основе модели Солоу, которая предполагает использование производственной функции с убывающей отдачей факторов (Solow, 1956). Такой подход также позволяет оценить, как фактор внешней торговли может оказать влияние на экономическое развитие. Например, в исследовании И. Бостана и соавторов (Bostan et al., 2023) используется функция вида:

$$Gr = f(L, K, F, X, t), \quad (1)$$

где Gr – реальный ВВП; L – затраты труда; K – затраты внутреннего капитала; F – затраты иностранного капитала; X – торговая открытость; t – переменная времени, отражающая научно-технический прогресс.

Уравнение, на основе которого определяются факторы, влияющие на темп прироста реального подушевого ВВП, тогда принимает следующий вид:

$$Gr_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot L_{it} + \beta_2 \cdot K_{it} + \beta_3 \cdot F_{it} + \beta_4 \cdot X_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где $\beta_0, \beta_1, \beta_3, \beta_4$ – коэффициенты уравнения; ε_{it} – случайная ошибка; t – год, на который приходится тот или иной показатель; i – страна.

Подобная эконометрическая модель на основе метода панельных данных обычно тестируется на стационарность, чтобы показать, что статистические свойства данных не меняются со временем, а также применяются различные специфические тесты, в зависимости от полученных результатов оценки уравнения.

Проведем тестирование модели для Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства для всех стран-участниц за период 2016–2022 гг. Великобритания, вошедшая позже в соглашение, была исключена из анализа. Уравнение, которое оценивалось для ВПТТП, выглядит следующим образом:

$$Gr_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \ln T_{it} + \beta_2 \cdot \pi_{it} + \beta_3 \cdot FDI_{it} + \beta_4 \cdot \ln LE_{it} + \beta_5 \cdot I_{it} + \beta_6 \cdot P_{it} + \beta_7 \cdot \ln GDPin_{i(t-1)} + \delta_i + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где Gr_{it} – темп прироста реального ВВП на душу населения в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; T_{it} – внешнеторговый оборот внутри соглашения о региональной интеграции (в процентах от ВВП) в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; π_{it} – дефлятор ВВП в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; FDI_{it} – чистый приток иностранных инвестиций (в процентах от ВВП) в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; LE_{it} – продолжительность жизни населения в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; I_{it} – темп прироста инвестиций (в процентах) в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; P_{it} – темп прироста численности населения (в процентах) в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; $GDPin_{i(t-1)}$ – предыдущее значение реального ВВП на душу населения в стране – участнице соглашения i в момент времени t ; δ_i – индивидуальный эффект; ε_{it} – случайная ошибка для страны i в момент времени t .

Результаты оценки новой спецификации с помощью обычной МНК-модели, моделей с фиксированными и случайными эффектами представлены в табл. 3. Согласно полученным расчетам, модель со случайными эффектами статистически значима, но согласно результатам тестов Вальда, Бройша – Пагана, Хаусмана, модель с фиксированными эффектами предпочтительнее (p -value < 0,05). Тест на определение наличия AR(1)-процесса продемонстрировал состоятельность статистических панельных данных, а тест Левина – Лина – Чу для определения наличия единичного корня – стационарность рядов.

Таблица 3

Результаты оценки трех моделей для Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП)

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	Gr_{it}	Gr_{it}	Gr_{it}
Константа	3,67 (0,27)	-	0,07 (0,95)
T_{it}	0,66 (0,04)***	8,04 (0,001)**	0,75 (0,04)***
π_{it}	-0,11 (0,12)	-0,22 (0,004)**	-0,1 (0,13)
FDI_{it}	-	-	-
I_{it}	0,37 (0,00)*	0,358 (0,000)*	0,36 (0,00)*
P_{it}	-0,85 (0,01)*	-0,912 (0,012)***	0,85 (0,01)***
$GDPin_{i(t-1)}$	-0,45 (0,27)	16,4 (0,01)***	-
R -squared	0,65	0,73	0,73
Adj. R -squared	0,62	0,67	0,67
p -value	0,00	0,00	0,00
Период времени	8 лет	8 лет	8 лет
Число наблюдений	77	77	77
* Значимость при 10%. ** Значимость при 5%. *** Значимость при 1%.			

Источник: расчеты автора.

Полученные результаты показывают положительную статистическую значимость такого важного для любого соглашения о региональной экономической интеграции показателя, как открытость торговли, который учитывался в данных как внешнеторговый оборот внутри самого ВПТТП. Положительное и статистически значимое влияние для стран – участниц соглашения оказывают прирост инвестиций и накопленный экономический рост (ВВП на душу населения за предыдущий период времени). Прирост численности населения и темп инфляции оказывают статистически значимое отрицательное влияние на подушевой ВВП. Для показателя прямых иностранных инвестиций характерна статистическая незначимость, вероятно, по причине того, что большая часть прямых иностранных инвестиций носит в этих странах офшорный характер, а продолжительность жизни населения не прошла проверку на мультиколлинеарность и была исключена из оценивания.

Таким образом, можно считать, что ВПТТП имеет торгово-экономическую основу, которая при углублении интеграции должна способствовать экономическому росту в странах – участницах соглашения. Вполне вероятно, что существенную роль на полученные результаты оказывает и глубина проработки основных положений соглашения.

Для Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКФТА) после нескольких попыток тестирования в модель были добавлены дополнительные факторы, характеризующие условия жизни и качество государственного управления в странах – участницах соглашения.

$$Gr_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \ln T_{it} + \beta_2 \cdot \pi_{it} + \beta_3 \cdot FDI_{it} + \beta_4 \cdot I_{it} + \beta_5 \cdot P_{it} + \beta_6 \cdot \ln GDP_{i(t-1)} + \beta_7 \cdot LE_{it} + \beta_8 \cdot Gov_{it} + \beta_9 \cdot \ln HD_{it} + \beta_{10} \cdot \ln EmpIP_{it} + \beta_{11} \cdot S_{it} + \beta_{12} \cdot t_{it} + \beta_{13} \cdot \ln Ta_{it} + \delta_i + \beta_{14} \cdot Exp_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

где в дополнение к обозначениям для предыдущего уравнения введены следующие обозначения: Gov_{it} – эффективность работы правительства страны i в момент времени t (в соответствии с рейтингом Всемирного банка⁷); HD_{it} – чистая официальная помощь развитию (в процентах от ВВП, по данным ООН⁸); $EmpIP_{it}$ – доля работников в промышленном секторе (в процентах от общей численности занятых); S_{it} – валовые внутренние сбережения (в процентах от ВВП); t_{it} – средневзвешенная тарифная ставка (в процентах); Ta_{it} – налоговые поступления (в процентах от ВВП); Exp_{it} – темп прироста государственных расходов, в процентах.

Аналогично предыдущему уравнению модели были применены три варианта оценивания: обычная МНК-модель и модели с фиксированными и случайными эффектами. Результаты представлены в табл. 4.

Согласно полученным расчетам, модель со случайными эффектами статистически значима, но согласно результатам тестов Вальда, Бройша – Пагана, Хаусмана, модель с фиксированными эффектами предпочтительнее ($p\text{-value} < 0,05$). Тест на определения наличия AR(1)-процесса продемонстрировал состоятельность статистических панельных данных, а тест Макдала и Ву для определения наличия единичного корня – стационарность рядов.

Полученные результаты демонстрируют незначимость открытости торговли для стран – участниц АКФТА. Также незначимыми оказались такие факторы, как прирост численности населения, продолжительность жизни населения, сбережения домашних хозяйств. То есть можно сказать, что образование соглашения не влияет на экономическое развитие, при этом экономический рост не связан с показателями, характеризующими качество и уровень жизни населения. Отрицательное влияние на экономический рост, как и в случае с ВПТТП, оказывает уровень инфляции. Кроме того, отрицательное влияние оказывают подушевой ВВП предыдущего года, доля работников в промышленном секторе и чистая официальная помощь в целях развития в рамках иностранной помощи странам с низким уровнем социально-экономического развития. Положительное влияние на экономический рост, но существенно меньшее, чем в ВПТТП, оказыва-

⁷ Эффективность работы правительства. https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/wb_government_effectiveness/ (дата обращения: 18.07.2025)

⁸ Глобальная база данных «Цели устойчивого развития». Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. <https://unstats.un.org/sdgs/dataportal> (дата обращения: 18.07.2025)

ют инвестиции. Также положительное влияние оказывают средневзвешенная тарифная ставка, объем налоговых поступлений в государственные бюджеты, эффективность работы правительства и прирост государственных расходов. Такие результаты позволяют предположить, что неокOLONIALное положение африканских стран с низким уровнем индустриализации экономик, значительной ориентацией на экспорт продуктов с низкой добавленной стоимостью, а также финансово-экономической зависимостью от развитых стран приводит к тому, что торгово-экономические основания в традиционном понимании для региональной интеграции отсутствуют. Для повышения эффективности интеграционных процессов страны Африканского континента должны сосредоточить свое внимание на качестве государственного управления и повышении государственной экономической политики, которая должна быть направлена не только на экономический рост, но и на повышение качества и уровня жизни населения.

Таблица 4

Результаты оценки трех моделей для Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКФТА)

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	Gr_{it}	Gr_{it}	Gr_{it}
Константа	38,05 (0,024)***	–	47,9 (0,02)***
T_{it}	–	–	–
π_{it}	–0,01 (0,12)	– 0,01 (0,09)***	– 0,01 (0,21)
FDI_{it}	0,07 (0,26)	–	0,071 (0,24)
I_{it}	0,08 (0,00)*	0,06 (0,00)*	0,084 (0,00)*
P_{it}	– 1,05 (0,03)**	–	–1,36 (0,02)***
$GDPin_{i(t-1)}$	– 2,36 (0,00)*	– 41,1 (0,00)*	–2,9 (0,00)*
LE_{it}	– 4,83 (0,18)	–	–5,95 (0,17)
Gov_{it}	2,41 (0,00)*	4,9 (0,04)***	2,38 (0,00)*
HD_{it}	– 0,6 (0,07)*	– 2,9 (0,00)*	–0,95 (0,01)***
$EmpIP_{it}$	–	– 5,77 (0,22)*	–
S_{it}	0,03 (0,09)***	–	0,03 (0,13)
t_{it}	0,11 (0,01)***	0,06 (0,22)*	0,103 (0,02)***
Ta_{it}	0,86 (0,18)	1,69 (0,02)***	0,97 (0,15)
Exp_{it}	0,125 (0,00)*	0,1 (0,00)*	0,13 (0,00)*
R-squared	0,44	0,59	0,43
Adj. R-squared	0,41	0,46	0,4
p-value	0,00	0,00	0,00
Период времени	8 лет	8 лет	8 лет
Число наблюдений	218	236	236
* – значимость при 10%. ** – значимость при 5%. *** – значимость при 1%.			

Источник: расчеты автора.

Результаты

Соперничество и сотрудничество между крупнейшими полюсами мировой экономики в рамках строительства многополярного мира на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. стало принимать существенно более сложные формы, чем в XX в., в том числе и в торгово-экономической сфере. И если в прошлом веке интеграция носила региональный и субрегиональный

характер, то в XXI в. она вышла на мегарегиональный уровень. Это связано с тем, что экономические основания для региональной интеграции перестали быть достаточными сами по себе. Накопленный в XX в. клубок противоречий, с одной стороны, за счет структурной деформации мировой экономики из-за колониальной и неоколониальной систем, с другой стороны, из-за перераспределения мирового дохода в ходе глобализации в пользу развитых стран привел к тому, что экономическая интеграция в настоящее время сочетается с военно-политическим базисом объединения. Такой формат межцивилизационного взаимодействия формирует экономический потенциал для совместного реагирования на текущие вызовы и угрозы, которые встают как перед отдельными странами, так и перед человечеством в целом. В сформированных мегарегиональных торговых соглашениях прослеживается тенденция объединения стран на основе общих ценностей и геополитических и геоэкономических интересов в глобальном пространстве. Так, эмпирическая часть проведенного исследования показывает необходимость объединения для африканских стран, но не с точки зрения традиционного снижения таможенных пошлин во взаимной торговле, а в направлении повышения таможенных пошлин в отношении стран, которые не входят в данное объединение, улучшения и упрощения процедур таможенного прохождения товаров и услуг, а также совершенствования механизмов торговых расчетов. Кроме того, эти страны в значительной степени нуждаются в индустриальном и технологическом прорыве, чтобы преодолеть экономическую и финансовую зависимость от развитых стран и иметь возможность противостоять вызовам и угрозам для экономического развития в XXI в.

Обсуждение

Проведенное исследование показывает, что однополярный мир действительно перестал существовать, а в настоящее время наблюдается формирование нескольких экономических центров (крупных по мировым меркам экономик), вокруг которых происходит объединение стран на основе торгово-экономических и военно-политических интересов. Данный процесс сопряжен с цивилизационным вектором, который взял на себя целый ряд стран. Первым определил свой вектор цивилизационного развития Китай, указав в 2006 г. на необходимость признания собственного пути развития каждой цивилизации и такого международного сотрудничества, которое должно содействовать общему благополучию⁹. В 2023 г. наша страна поддержала эту идею, провозгласив в Концепции внешней политики Российской Федерации¹⁰ Россию «ядром цивилизационной общности Русского мира». В этом же году Китай предложил Глобальную инициативу цивилизаций, объявив, что китайская цивилизация представляет собой самую успешную модель цивилизационного развития.

В этом контексте либеральные концепции западной цивилизации предстают как ретроградные подходы к торгово-экономической интеграции и межгосударственному взаимодействию, несмотря на то что мы наблюдаем в настоящее время лишь формирование основных цивилизационных платформ. В обозримом будущем процессы региональной экономической интеграции уже не будут основываться только на соглашениях о свободной торговле. С высокой степенью вероятности традиционная классификация форм региональной экономической интеграции по степени ее углубления, предложенная Б. Балассой (Balassa, 1961), в XXI в. потеряет свою актуальность. Это связано с тем, что экономическая интеграция в XXI в. приобретает принципиально иную основу: страны объединяются исходя из экономических интересов, но на основе общих ценностей, при этом углубление интеграции происходит за счет объединения в военно-политической сфере. Данный процесс приходит на смену углублению интеграции на основе расширения либерализационных процессов (от торговли товарами и услугами до торговли факторами производства), а также на основе снижения протекционистских мер сначала внутри стран – участниц соглашения, а потом и по отношению к остальным странам (как это чаще всего имело место в XX в.).

⁹ 胡锦涛在亚太经合组织工商领导人峰会上演讲全文 [Выступление Ху Цзиньтао на саммите лидеров деловых кругов АТЭС]. 中央政府门户网站: 2006年11月17日. 来源: 新华社 [Центральное народное правительство Китая, Госсовет КНР]. https://www.gov.cn/ldhd/2006-11/17/content_445874.htm (дата обращения: 18.07.2025)

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2023. <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 18.07.2025)

Выводы

Развитие системы многосторонней торговли в рамках ВТО во второй половине XX в. основывалось на идее либерализации международной торговли. Неоклассические подходы к международной торговле доказывали, что свободная торговля – это всегда лучшее с точки зрения оптимальности состояние, чем торговля с использованием протекционистских инструментов. По мере усиления глобализационных процессов в начале XXI в. интеграционные процессы внутри соглашений о региональной экономической интеграции стали более глубокими в сравнении с многосторонними соглашениями внутри ВТО. Уругвайский раунд Генерального соглашения по тарифам и торговле, завершившийся в 1994 г. и положивший начало ВТО, укрепил многостороннюю торговую систему – как раз в направлении сокращения мотивов стран объединяться в региональные торговые соглашения. Число таких соглашений начало стремительно расти, и постепенно этот процесс трансформировался в заключение мегарегиональных соглашений, которые стали появляться благодаря тому, что усилилось влияние геополитических и культурных факторов на международную торговлю.

Инициатором образования мегарегиональных соглашений чаще всего является страна – экономический «тяжеловес», который хочет от экономической интеграции еще больших выгод, чем дает многосторонняя торговая система в рамках ВТО, а также стремится усилить свое геополитическое влияние. Если такие соглашения охватывают очень разные страны с точки зрения идеологии, культуры и экономического развития страны, то возникают трудности в практической реализации такого соглашения. Именно поэтому в мировой экономике из всех наметившихся мегарегиональных соглашений в действие вступили лишь только четыре (ЭПШП, АКФТА, ВПТТП, ВРЭП). Опыт реализации этих соглашений, а также эмпирические расчеты, представленные в данном исследовании, показывают, что мегарегиональные соглашения вступают в активную фазу практической реализации в том случае, если входящие в него страны объединены не только общими экономическими, но и военно-политическими, культурными и геополитическими интересами.

Мегарегиональные торговые соглашения являются относительно новым форматом соглашений между странами. Такие соглашения основаны на координации политики внешней торговли стран-участниц. Однако в связи со спецификой мегарегиональных торговых соглашений (высокий уровень дискриминации по отношению к третьим странам, ощутимое влияние на эти соглашения межгосударственного противостояния крупнейших экономик мира, находящихся в процессе геополитического и геоэкономического передела мирового экономического пространства), возникают серьезные вызовы как для мировой экономики в целом, так и для России. В результате метаний США между различными мегарегиональными торговыми соглашениями в США в 2023 г. появился федеральный закон об огненных кольцах. В настоящее время идет апробация на Китае, однако военные эксперты намекают на планы разработки аналога для России. Мир действительно перестал быть однополярным. Именно сейчас активно формируются новые полюсы мира, которые станут основой конструкции многополярного мира. Россия пока не участвует ни в одном из мегарегиональных соглашений. Исключение составляет лишь ЭПШП, но у России в нем пассивное участие, а инициатива – у Китая. Цивилизационный вектор развития России находится в начальной фазе формирования. Он должен учитывать сдвиги, происходящие в глобальном пространстве. Главные вызовы для экономического развития России в этих условиях формирует эффект переориентации торговли (*trade diversion*), так как все страны – торговые партнеры России являются участницами МРТС. Главная экономическая характеристика любой цивилизации – самодостаточность. Но в текущих условиях необходим очень рациональный подход к выбору баланса между открытостью экономики и ограниченной экономической независимостью.

Литература / References

- Арапова Е.Я. (2017). Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и перспективы торговой интеграции в формате АТЭС: сценарный подход. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право* (2-3), 31–48. [Arapova, E. (2017). Asia-Pacific Free Trade Area and prospects for trade integration in the APEC format: Scenario approach. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law* (2-3), 31–48 (in Russian)].
- Барышников П.Ю. (2018). Преимущества и недостатки подписания Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения (СЕТА) для экономик стран ЕС и Канады. *Мир новой*

- экономики* **12**(4), 77–81. [Baryshnikov, P. (2018). Advantages and disadvantages of signing a comprehensive economic and trade agreement (CETA) for the economies of the EU countries and Canada. *The World of the New Economy* **12**(4), 77–81 (in Russian)].
- Забелла А.А. (2024). Инициатива «Один пояс – один путь» и Африканская континентальная зона свободной торговли. *Полис. Политические исследования* (1), 174–181. [Zabella, A. (2024). The One Belt, One Road Initiative and the African Continental Free Trade Area. *Polis. Political Studies* (1), 174–181 (in Russian)].
- Калачигин Г.М. (2021). Коллапс Апелляционного органа как определяющий фактор будущего ВТО. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика* **16**(3), 238–255. [Kalachigin, G. (2021). Collapse of the appellate body as a determining factor in the future of the WTO. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy* **16**(3), 238–255 (in Russian)].
- Костюнина Г.М. (2020). Направления и результаты формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли. *Российский внешнеэкономический вестник* (4), 33–47. [Kostyunina, G. (2020). Directions and results of the formation of the African Continental Free Trade Area. *Russian Foreign Economic Bulletin* (4), 33–47 (in Russian)].
- Костяев С.С. (2012). Дохийский раунд и аграрное лобби в США. *США и Канада: экономика, политика, культура* (6), 57–67. [Kostyaev, S. (2012). Doha round and the agrarian lobby in the USA. *USA and Canada: Economy, Politics, Culture* (6), 57–67 (in Russian)].
- Лу В., Чжан М. (2018). Чжулао чжунхуа миньцу гунтунти и шилунь люэ [陆卫明, 张敏娜. 铸牢中华民族共同体意识论略. *贵州民族研究* **39**(3), 1–6]. Лу Вэймин, Чжан Минна (2018). Об укреплении чувства общности китайской нации. *Этнические исследования Гуйчжоу* **39**(3), 1–6 (на кит. яз.) [Lu, W., Zhang M. (2018). On strengthening the sense of community of the Chinese nation. *Guizhou Ethnic Studies* **39**(3), 1–6 (in Chinese)].
- Мамедова А.О. (2020). Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство: конец проекта или передышка? *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика* **12**(4), 67–98. [Mamedova, A. (2020). Transatlantic trade and investment partnership: End of the project or a breather? *Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics* **12**(4), 67–98 (in Russian)].
- Межуев Б.В. (2021). Холодная война как условие цивилизационного консенсуса. «Новый атлантизм» как идеология будущего. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал* (2), 38–58. [Mezhuev, B. (2021). Cold War as a condition of civilizational consensus. “New Atlanticism” as an ideology of the future. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy. Abstract Journal* (2), 38–58 (in Russian)].
- Оболенский В.П. (2018). От легитимного протекционизма к торговым войнам? *Мировая экономика и международные отношения* **62**(9), 18–25. [Obolensky, V. (2018). From legitimate protectionism to trade wars? *World Economy and International Relations* **62**(9), 18–25 (in Russian)].
- Пряхин В.Ф. (2020). Захлопнется ли ловушка Фукидида? О возможных и невозможных построениях геополитического четырехугольника «Россия – Китай – США – Европейский союз». *Евразийский Союз: вопросы международных отношений* **9**(2), 119–131. [Pryakhin, V. (2020). Will the thucydides trap snap close? On possible and impossible constructions of the geopolitical quadrangle “Russia – China – USA – European Union”. *Eurasian Union: Issues of International Relations* **9**(2), 119–131 (in Russian)].
- Федоровский А.Н. (2012). Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов. *Мировая экономика и международные отношения* (1), 40–50. [Fedorovsky, A. (2012). Evolution of APEC and prospects of regional integration processes. *World Economy and International Relations* (1), 40–50 (in Russian)].
- Acharya, R., Parajuli, T. (2025). *The evolution of preferential trade under regional trade agreements: Has anything changed?* World Trade Organization: Economic Research and Statistics Division. https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202503_e.pdf (accessed on June 16, 2025)

-
- Balassa, B. (1961). Towards a theory of economic integration. *Kyklos* (1), 1–17.
- Bostan, I., Toma, C., Aevoae, G. et al. (2023). Effects of internal and external factors on economic growth in emerging economies: Evidence from CEE countries. *Eastern European Economics* **61**(1), 66–85.
- Edelman, E., Bassler, C., Yoshihara, T., Hacker, T. (2022). *Rings of Fire: A Conventional Missile Strategy for a Post-INF Treaty World*. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments.
- Gonciarz, T., Verbeet, T. (2025). *Significance of most-favoured-nation terms in global trade: A comprehensive analysis*. World Trade Organization: Economic Research and Statistics Division. https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202502_e.pdf (accessed on June 16, 2025)
- Jiang, F. (2023). An analysis of the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF): Essence, impacts and prospects. *East Asian Affairs* **2**(2), 1–21.
- Solow, R. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics* **70**(1), 65–94.
- Zreik, M. (2024). The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) for the Asia–Pacific region and world. *Journal of Economic and Administrative Sciences* **40**(1), 57–75.